

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.4>

Каймаразов Гани Шихвалиевич, Каймаразова Лейла Ганиевна

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА В 1930-Е ГГ.

Статья посвящена актуальной и малоизученной проблеме - материально-бытовому положению учителей в условиях многонационального региона в важный для советского школьного строительства период. С привлечением новых, не публиковавшихся ранее документальных источников показан процесс качественных изменений в этой сфере жизни учительства Дагестана и создания условий для повышения его социального статуса: рост заработной платы, пенсионное обеспечение, снабжение продуктовыми и промышленными товарами, топливом, достойным жильем, организация отдыха и т.д. Освещены трудности, которые испытывали региональные власти при реализации принимаемых руководством страны решений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/10/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(96) С. 24-29. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94; 37.014

Дата поступления рукописи: 22.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.4>

Статья посвящена актуальной и малоизученной проблеме – материально-бытовому положению учителей в условиях многонационального региона в важный для советского школьного строительства период. С привлечением новых, не публиковавшихся ранее документальных источников показан процесс качественных изменений в этой сфере жизни учительства Дагестана и создания условий для повышения его социального статуса: рост заработной платы, пенсионное обеспечение, снабжение продуктовыми и промышленными товарами, топливом, достойным жильем, организация отдыха и т.д. Освещены трудности, которые испытывали региональные власти при реализации принимаемых руководством страны решений.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; учительство; материально-бытовое обеспечение; заработная плата; жилье; продукты и промышленные товары; организация отдыха учителей.

Каймаразов Гани Шихвалиевич, д.и.н., профессор

Каймаразова Лейла Ганиевна, к.и.н.

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала

kaymarazova@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА В 1930-Е ГГ.

В современной России весьма актуальной остается проблема модернизации системы образования, которая должна обеспечить ее устойчивое развитие. Для достижения успешных результатов в этой сфере необходимо учитывать исторический опыт осуществления национальной образовательной политики, изучать потенциал советской школы, в том числе в национальных районах страны.

Важным и даже переломным периодом в истории советского школьного строительства являются 1930-е гг., которые стали временем введения всеобщего обязательного начального обучения и значительного увеличения бюджетных ассигнований на образование, совершенствования структуры советской школы, формирования единых учебных программ и унификации содержания учебных предметов для всех регионов страны, законодательного закрепления требований к школе и учителю.

К малоизученным исследовательским проблемам можно отнести вопросы, связанные с материально-бытовым положением учительства. Актуальность проблеме придает и то, что в наши дни среди учителей нарастает недовольство размерами заработной платы при увеличивающейся интенсивности учительского труда. И не случайно связь уровня оплаты учителя с учебными результатами, качеством образования, оценка эффективности различных систем оплаты труда учителей становятся предметом многих исследований [1, с. 248]. О том, что заработная плата учителей и условия их труда оказывают определенное влияние на результаты образования, свидетельствуют и данные *PISA (Programme for International Student Assessment)* (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) [5, с. 200].

В предлагаемой вниманию читателей статье мы предприняли попытку показать, какие изменения произошли в материально-бытовом положении учителей Дагестана в 1930-е гг. и как его улучшение во второй половине рассматриваемого периода создавало условия для повышения социального статуса учителя. Отметим, что специально эти вопросы в региональной исторической литературе не рассматривались.

В фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан сохранилось немало официальных документов об условиях труда и быта учителей. Среди них практически не вовлекавшиеся в научный оборот протоколы заседаний местных бюро жалоб, где рассматривались обращения учителей, докладные записки уполномоченных Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции ДАССР (РКИ ДАССР), лично контролировавших выполнение директив органов власти по обеспечению учителей, записки и справки о положении дел на местах работников органов народного образования и т.д. Эти материалы активно использовались нами в ходе решения поставленной исследовательской задачи. Сегодня актуальным стало обращение к источникам личного происхождения, письменным обращениям учителей в органы республиканской власти по жизненно важным для просвещенцев вопросам, привлечение которых позволяет получить новые данные о жизни учителей в интересующий нас хронологический отрезок времени.

В годы осуществления новой экономической политики (1921-1928 гг.) финансовая политика Советского государства была нацелена на сокращение расходов на социальные нужды, в том числе и на заработную плату школьных работников. В результате заработная плата учителей в этот период оказалась значительно ниже, чем у рабочих.

В конце 1920-х гг. руководство страны постепенно, а в 1930-е гг. заметно стало увеличивать средства, выделяемые на народное образование, предпринимать меры по улучшению положения школьных работников.

По данным Всесоюзной школьной переписи 1927 г., заработная плата учителей отставала от оплаты труда представителей других профессий [3]. Размер зарплаты в 1929-1930 бюджетном году учителя школы 1-й ступени составлял от 52 до 62 руб., учителя школы 2-й ступени – от 80 до 100 руб. [4, с. 180]. В 1929 г. произошли изменения в пенсионном обеспечении работников просвещения – размер пенсии стал зависеть от квалификации учителя. По стране пенсия преподавателя техникума составляла 50 руб., учителя старших классов – 40 руб., остальных учителей – 30 руб.

В 1930-е гг. заработная плата учителям в стране повышалась дважды: в 1931 и 1936 гг. С 1932 г. была установлена дифференцированная заработная плата для учителей начальных, неполных средних и средних школ в зависимости от разряда (от 69 до 164 руб.). В 1936 г. были установлены более высокие учительские ставки (от 240 до 400 руб. [6]) в зависимости от уровня образования, преподаваемого предмета и педагогического стажа.

В начале 1930-х гг. в центр из регионов (краев, областей, округов и автономных республик) поступали сигналы о нарушениях материально-правового положения работников просвещения: массовые переброски, необоснованные увольнения педагогов, пренебрежительное отношение к женщинам-просвещенкам и т.д. Учителя, с одной стороны, становились жертвой кулацкого террора, с другой – подвергались «раскулачиванию», обвинялись в контрреволюционной деятельности, арестовывались и лишались избирательных прав без явных на то причин. Местные власти, используя административно-бюрократический нажим, в качестве общественной нагрузки привлекали просвещенцев к канцелярско-технической работе в районных исполнительных комитетах (РИКах), сельсоветах, кооперации, колхозах и других организациях. Зачастую учителям несвоевременно выдавалась заработная плата, периодические надбавки и «квартирные» выплаты, сокращалась продолжительность отпуска, ограничивались права на пенсию и т.д. [9, д. 41, л. 101].

Центральные органы власти, и, прежде всего, Народный комиссариат просвещения и Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, отчетливо осознавали, что в условиях начавшегося введения всеобщего обязательного начального обучения необходим систематический контроль за его осуществлением. Они призывали выявлять конкретных виновников срыва всеобщего обучения, наказывать их вплоть до привлечения к суду и административной ответственности [Там же, л. 98], а работа по проверке всеобщего обучения напрямую связывалась ими с материально-правовым положением работников просвещения.

В начале 1930-х гг. в материальном и бытовом положении учителей, в том числе дагестанских просвещенцев, несмотря на принимаемые меры, существенных изменений не происходило. Большой проблемой оставалась задолженность учителям по заработной плате. В письме наркома финансов республики наркому РКИ сообщалось, что по ДАССР на 15 ноября 1932 г. задолженность по заработной плате учителям исчислялась в сумме 115200 руб. На погашение этой задолженности из республиканского бюджета было позаимствовано и переведено районам в качестве дотаций 400000 руб. [11, д. 173, л. 50]. А в телеграмме Наркомата финансов ДАССР в отделения Госбанка и районные финотделы говорилось: «Все еще продолжает иметь место задолженность зарплаты учительству тчк Предлагаю прекратить все без исключения финансирование районному городскому бюджету до полной ликвидации задолженности учительству зпт медработникам и другим группам ответственность возлагаю Райфо и Госбанк неисполнение предам суду» [Там же, л. 53]. Положением были обеспокоены и в Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции (КК РКИ). В письме в Дагестанскую областную КК РКИ отмечалось, что на 20 ноября 1932 г. задолженность по зарплате учителям Дагестана все еще составляла 56282 руб. [Там же, л. 55].

Сообщения о задержках выплаты школьным работникам заработной платы поступали в органы республиканской власти и в последующие годы. В докладной записке заведующего Табасаранским районом Кахриманова нарком просвещения Дагестана Б. Астемирову в феврале 1933 г. о материальном положении учителей школ района говорилось, что задолженность по зарплате, по причине отсутствия денег в районном финотделе, из месяца в месяц увеличивалась. «Со стороны учительства, в особенности приезжего из других районов, наблюдается нежелание работать. В районо имеется ряд письменных заявлений об отказе от работы» [10, д. 1, л. 117].

Заметное повышение заработной платы учителя произошло в 1936 г. в соответствии с уже упоминавшимся нами постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1936 г. Но, несмотря на это повышение, прожить учителю на эту зарплату было нелегко, тем более ее выплата часто задерживалась на срок от нескольких недель до 2-3, а то 4-5 месяцев [2, с. 101-104]. В декабре 1937 г. на заседании СНК Дагестанской АССР был обсужден вопрос о сроках выдачи зарплаты учителям. В ходе заседания выяснилось, что из-за отсутствия денег и неэффективной работы районо выплата заработной платы учителям Табасаранского, Рутульского, Хивского, Унцукульского, Тляртинского, Докузпаринского, Цунтинского и Кулинского районов ежемесячно задерживалась на 10-15 дней, что приводит к срыву занятий в школах [12, д. 70, л. 109].

Если выплата учителям заработной платы от местных властей зависела в меньшей степени, то несвоевременное обеспечение школьных работников продуктами и промышленными товарами во многом было связано с невниманием, а порой и равнодушием с их стороны. 26 апреля 1933 г. на заседании бюро жалоб РКК-РКИ было рассмотрено заявление учителей из с. Ругуджа Гунибского района Дагестанской АССР о снабжении их Гунибским сельпо (магазин-кооператив сельского потребительского общества. – Г. К., Л. К.). Информация о том, что ругуджинские учителя не обеспечиваются продуктами, предметами гигиены, равно как и просвещенцы из нескольких соседних сел не снабжаются Карадахским сельпо, подтвердилась. Учителя жаловались, что предназначенные для них промышленные товары разбазариваются, а ответом на их жалобы становится грубое отношение со стороны приказчика и председателя сельпо [8, д. 11, л. 5]. Председатели сельпо получили строгие выговоры и предупреждение: «...если ситуация не наладится, последуют более строгие меры» [Там же, л. 4].

В апреле 1933 г. уполномоченный Наркомата РКИ ДАССР З. Цахаев посетил Шелковской и Кизлярский районы и ознакомился с материально-бытовым положением учителей. Собрав на заседание районный актив, уполномоченный выяснил, что его представители даже не знают о том, что учителям в течение двух-трех месяцев не выплачивается заработная плата, а в районах отсутствует плановое снабжение учителей продуктами и не создан специальный фонд по промтоварам для учителей-ударников [Там же, л. 25-27].

Когда заработная плата и доплаты за дополнительную нагрузку выплачивались несвоевременно, то учителя искали поддержки у партийных и советских органов, профсоюзов. Обращались к власти педагоги и тогда, когда их, как они считали, необоснованно, снимали с работы. Так, к примеру, жалобы по поводу увольнения

учительницы С. Бунеско из школы с. Мехельта Гумбетовского района [Там же, л. 48] и преподавателя русского языка и завуча школы Буйнакского района Г. Ошенко [Там же, л. 57] были рассмотрены на заседании коллегии НК РКИ. Решение было принято в пользу учителей, поскольку подтвердились факты несправедливого отношения к русским (русскоязычным) учителям, отсутствия нормальных условий для их закрепления в районе и увольнения в первую очередь под разными предлогами при проведении сокращения штатов [Там же, л. 48].

Об этих проблемах шла речь и в письмах в Наркомпрос ДАССР преподавателя Кулинской школы Лакского района Н. Иванова в начале 1933 г. [Там же, л. 115]. Учитель рассказал о том, в каких условиях он, с женой-учительницей и ребенком, оказался по приезду в Дагестан. Педагог расписал расходы своей семьи: плата за квартиру, отопление, освещение, траты на продукты, литературу, газеты и журналы, курсы и т.д., наглядно показав, что зарабатываемых им с супругой денег не хватает на месяц даже в том случае, если они исключат из семейного рациона мясо и масло. На помощь колхоза, по словам просвещенца, рассчитывать не приходилось. «Хлебный паек дают 14 кило на работника и 6 кило на иждивенца, мельница за помол берет мукой, – писал Н. Иванов. – Получив 34 кило зерна, я смолот и домой принес муки 25 кило, а все остальное ушло на распыл, утруску и за помол... Кооперация не считает своей обязанностью нас снабжать по нормам и твердым ставкам, а рынок – не по заработку учителя» [Там же, л. 115 – 115 об.]. Местные учителя находились в более выгодных условиях, поскольку в их распоряжении была отапливаемая квартира, они, располагая подсобным хозяйством, имели возможность регулярно потреблять мясо, масло, жиры, а среди выделяемых им промтоваров бывало даже сукно. Помимо этого, многие из местных педагогов работали на две ставки. «Передо мной два пути: или жить и работать голодным, или бросить школу и пойти работать туда, где хоть кормить будут... Пишу с тем, чтобы Вы знали, в каких условиях работает в горах русский учитель. Пишу для того, чтобы Вы знали, отчего бежит русский учитель из аула...» [Там же].

Н. Иванов просил перевести его на работу в какой-нибудь район или село, где проживало русскоязычное население. Педагог сетовал на то, что его стаж (заведование школами на протяжении 15 лет) и опыт методической работы (руководство губернским отделом народного образования) никак не учитываются [Там же, л. 118, 118 об., 119]. Нарком просвещения ДАССР Б. Астемиров письменно заверил учителя, что по окончании учебного года он будет переброшен в другой, более подходящий для него район, «а пока надо поработать здесь» [Там же, л. 117].

В сентябре 1933 г. на имя Председателя Совнаркома ДАССР К. Мамедбекова поступило письмо учительницы Сиволодской из с. Муги Левашинского района, написанное от имени школьного коллектива. Учителя жаловались на действия председателя Акушинского сельпо, которое должно было снабжать их продуктами и промышленными товарами. «С июня месяца, не говоря уже о такой роскоши, как сахар и крупа, но и каждая пылинка муки для учителей выколачивалась...». Неоднократные обращения к районному руководству не возымели действия. «Это наша последняя бумага в район, после которой мы обратимся непосредственно в центр, и если и там не найдем поддержки, тогда только признаем свое бессилие сделать что-либо на культурном фронте и тогда только всем педколлективом бросим школу...» [Там же, л. 121-123].

«Бумага» действие возымела, и 1 октября в Левашах, на адрес районной рабоче-крестьянской инспекции, поступила телеграмма из Дагестанской контрольной комиссии (ДКК) РКИ: «Обеспечьте немедленную выдачу продуктов положенной нормы Тоже облигации займа Исполнение телеграфьте пятому октября тчк» [Там же, л. 124]. Как видим, власти отреагировали оперативно.

Подобные проблемы имели место и в городах республики. Так, в докладной записке Дагестанского отделения Союза Работпроса (Союз работников просвещения. – Г. К., Л. К.) от 16 декабря 1931 г. в культпропотдел ДК ВКП(б) сообщалось, что просвещенцам на 20-25 дней задержали зарплату и не снабжают топливом. «Вопрос о снабжении и на сегодняшний день остается неразрешенным в сторону улучшения снабжения как по районам – местностям, так и по городу, несмотря на то, что в городах открыты магазины и ларьки [для] просвещенцев, но... продуктов питания, необходимых по нормам, в этих магазинах нет... А отсюда мы имеем много жалоб на местные организации – партийные, советские и общественные, со стороны просвещенцев» [7, д. 1830, л. 112 об.].

В начале 1930-х гг. в сфере продовольствия в стране сложилось тяжелое положение, что привело к введению карточной системы (1931-1935 гг.). Снабжение осуществлялось дифференцированно, и лучше всего обеспечивались индустриальные центры.

Когда в 1931 г. были сформированы четыре списка снабжения – особый, первый, второй и третий, – то в особый и первый списки вошли индустриальные центры. Жители этих центров в первую очередь и по более высоким нормам из фондов централизованного снабжения должны были получать хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сыр, сахар, чай, яйца. Из промтоваров учителям должны были поставлять хлопчатник, шерсть, нитки, мануфактуру, швейные изделия, обувь, в том числе галоши, хозяйственное мыло, махорку. Товары отпускались по нормам, утвержденным Наркомснабом. Районы, вошедшие во второй и третий списки (среди них оказалась Северный Кавказ, в том числе Дагестан), из централизованных фондов получали хлеб, сахар, крупу и чай. Остальные продукты предписывалось брать из местных ресурсов. В каждом из списков были три категории снабжения. Учителя входили в третью, низшую категорию.

На заседании ДК ВКП(б) 5 ноября 1931 г. в ходе обсуждения вопроса о снабжении учителей и организации в школах горячих завтраков были озвучены данные об отгрузке в районы Дагестана хлеба, предназначенного для населения и учителей [10, д. 53, л. 48]. Хотя сводка носила выборочный характер и содержала данные только по 7 районам республики, реальную картину по имеющимся в ней сведениям представить

можно. Согласно документу, план отгрузки хлеба был выполнен лишь на 45%. Учителям предназначалось 33% от запланированной отгрузки. Понятно, что при таком выполнении плана значительная часть учителей никак не могла быть обеспечена хлебом.

На совещании при культсоцгруппе Контрольной комиссии РКИ 9 января 1932 г. рассматривался вопрос о снабжении городского и сельского учительства продуктами и промышленными товарами. Несмотря на то, что в ноябре месяце для городских учителей (Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Буйнакск) были организованы закрытые распределители и ларьки, плановое снабжение учителей наладить не удалось, промтовары не выделялись. В сельской местности с начала ноября на снабжение было принято 3840 учителей и столько же иждивенцев. Еще в конце 1931 г. сельские учителя стали получать муку и сахар, но выдача крупы так и не наладилась. Для учительства были выделены промтовары на 80000 руб., но фактически ни одно райпо их не получило, поскольку из центра они и не поступили [Там же, л. 41, 42]. Как это ни парадоксально, на совещании несколько раз прозвучало: «Жалоб от учителей нет».

Осенью 1932 г. Коллегия Наркомата РКИ ДАССР приняла решение о развертывании для просвещенцев общественного питания в городах. Этот вопрос относительно благополучно решился в столице республики – Махачкале, а в целом учителя питались в коммерческих столовых. Слабое обеспечение просвещенцев одеждой и обувью, особенно обувью, что становилось актуальным с наступлением холодов, приводило к срыву занятий [7, д. 1830, л. 122 об.].

В начале 1932 г. в связи с массовыми жалобами на плохое обеспечение продуктами и промышленными товарами специальная бригада РКИ начала проверку снабжения учителей в Ахтынском, Хасавюртовском, Ачикулакском, Кайтагском, Левашинском, Коркмаскалинском районах. Бригадой было установлено, что на централизованное снабжение по линии Наркомснаба из общего количества учителей – 5276 человек – было поставлено 4302 человека и 4000 иждивенцев. При этом иждивенцы, в соответствии с распоряжением Наркомснаба СССР, записывались по одному человеку на главу семьи, независимо от их фактического наличия. Неучтенная часть учителей передавалась на снабжение колхозам, которые, как выяснилось, при распределении доходов на обеспечение учителей не предусмотрели. В результате значительная часть учителей осталась без хлеба и продуктов.

Продукты и промышленные товары для учителей выделялись на общих основаниях, как и для рабочих, но местные организации потребительской кооперации, районные организации, в том числе райснабы, «проделявали с этими товарами различные комбинации, граничащие с преступлениями» [11, д. 173, л. 176]. Зачастую норма выдаваемых товаров занижалась до 50%, а порой и совсем не выдавалась. Или, к примеру, учителя получали муку с примесью 50% суррогата (магар), которая выдавалась им по цене пшеничной муки (19 копеек за килограмм), тогда как районные работники получали пшеничную муку в чистом виде [Там же].

Вообще в нарушение закона районный актив нередко снабжался за счет учителей. Под видом просвещенцев из колхоза продукты и промтовары получали секретарь райкома ВКП(б), председатель сельсовета, председатель и приказчик сельпо и т.п. Выдача продуктов и промтоваров редко производилась в срок: к примеру, октябрьскую норму могли выдать в декабре. В то время как чиновники из Дагсоюза заявляли, что жалоб от учителей нет, бригада обнаружила большое количество учительских писем из районов, на которые в Союзе попросту не реагировали.

Такое невнимание к проблемам просвещенцев привело к тому, что, к примеру, в Ачикулакском районе 18 старых учителей с большим педагогическим стажем ушли с работы. «Настроение же учителей в остальных районах, подвергнутых обследованию, крайне подавленное, и требуется немедленное принятие срочных мер к улучшению снабжения их, дабы не очутиться перед фактом массового бегства учителей с работы» [Там же, л. 177].

О том, что республиканские органы власти старались выпрямить ситуацию с рассмотрением жалоб учителей, свидетельствует обнаруженная нами в фонде СНК ДАССР таблица. По ней можно отследить содержание и движение жалоб учителей. В документе зафиксированы дата поступления жалобы в СНК, фамилия учителя, район и школа, в которой он работал, и краткое содержание жалобы. К примеру, это неполучение заработной платы, возражение по поводу перевода на другое место работы, увольнение, непредоставление курортной путевки, отсутствие нормальных бытовых условий, невнимательное отношение со стороны местных органов власти. Далее отмечено, куда СНК ДАССР направлял запрос по жалобе и воспроизведен ответ соответствующего учреждения. В последней графе таблицы значится результат работы по жалобе: «сообщено жалобщику» или «ответа нет» [Там же, л. 110-111].

В апреле 1933 г. в республике была создана специальная комиссия, в состав которой вошли представители нескольких наркоматов (РКИ, просвещения, труда, финансов, снабжения), а также прокуратуры, профсоюзов, республиканской газеты «Дагестанская правда». Комиссия отслеживала выполнение решения руководства страны об улучшении материально-бытового положения учителей. За каждым членом комиссии закреплялся определенный район, который он должен был посетить и на месте ознакомиться с положением дел. В случае неисполнения директив партийных и советских органов виновных ждала строжайшая ответственность [Там же, л. 110].

Остро стоял вопрос об обеспечении учителей жильем. Согласно законодательству, учителям должно было предоставляться служебное жилье. Но, как правило, этого не происходило. В сельской местности в лучшем случае под квартиры для учителей выделялся дом, расположенный неподалеку от школы. Но чаще всего учителя снимали жилье у местных жителей на «квартирные» выплаты, и условия их проживания далеко не всегда были благоприятными. Невнимание, а порой и равнодушие со стороны местных органов власти

к жилищной проблеме приезжих учителей приводили к тому, что их размещали в школах и даже в школьных коридорах. В одном из документов описывался случай в Буйнакском районе, когда заведующий агитпропотделом выгнал двух учителей из квартиры, несмотря на их жалобы в районный партийный комитет. Одному из них пришлось уехать, оставив педагогическую работу.

Не лучшим образом складывалась обстановка в городах и даже в столице республики – Махачкале. Так, в докладной записке Союза неполных средних школ и Махачкалинского отдела народного образования (4 сентября 1937 г.) в Совнарком и Госплан ДАССР о состоянии квартирных условий учителей города сообщалось, что более 160 учителей ютятся в тесных саманных комнатухах мизерной площади, лишенных элементарных условий для нормальной работы и отдыха. Помимо этого, квартиры учителей находились, как правило, на окраине города, в значительной отдаленности от места работы. Не было возможности обеспечить квартирами молодых учителей – выпускников Дагпединститута – и учителей, направляемых в Махачкалу по путевкам Наркомпроса РСФСР. Из-за тяжелых жилищных условий с педагогической работы уходили опытные учителя. Частично решить проблему могло строительство домов под квартиры учителей, но для этого требовались время и немалые средства. Тем не менее авторы записки предложили возвести такой дом на 50 квартир на главной городской магистрали в районе повышенной сейсмостойчивости, для чего выйти с ходатайством в СНК РСФСР о включении строительства дома в план 1938 г. [7, д. 3868, л. 47, 47 об.].

Все это объясняет, почему зачастую учителя, в том числе квалифицированные, в поисках более высокооплачиваемой работы предлагали свои услуги, к примеру, местным органам власти, где их принимали с готовностью. Но даже если учитель полностью не уходил с работы, а находил подработку, то это снижало эффективность его труда на основном месте работы – в школе.

Еще в августе 1931 г. в Дагестанском областном комитете ВКП(б) прошло республиканское совещание, на котором обсуждался ход введения всеобщего и ликвидации неграмотности. На совещании рассматривались вопросы, связанные с материально-бытовым положением учителей. Тяжесть этого положения сказывалась на настроениях в учительской среде и на принятии частью педагогов решения уехать или переменить специальность [8, д. 11, л. 35-36]. Так, один из выступающих привел в качестве примера случай в с. Гуниб, когда учительница местной школы ушла с педагогической работы на должность статистики в Наркомснаб [7, д. 1521, л. 57].

Факты перехода учителей на работу не по специальности продолжали иметь место и в последующие годы. Накануне 1936-37 учебного года в Дагестанский комитет ВКП(б) от Союза НСШ были направлены списки учителей, работающих не по специальности, которых нужно было вернуть на педагогическую работу [Там же, л. 8]. В городах учителя были задействованы в редакциях газет и журналов, издательствах, комсомольской и писательской организациях, в учреждениях Наркомзема, Наркомфина, в Дагстройтресте, конторах Заготзерно, управлении связи, Госплане и т.д. В сельской местности учителей принимали на работу в райкомы партии, комсомола, в административный аппарат колхозов, сельсоветов, редакции районных газет, народные суды, избы-читальни и т.д. [Там же, д. 3532, л. 9-11].

На закреплении учителей в школах и улучшении материальных условий их жизни позитивно сказалось получение ими к концу 1930-х гг. ряда льгот. Работники просвещения были приравнены к категории рабочих по части снабжения промышленными товарами и продуктами питания. Закон требовал предоставления им бесплатных квартир с бесплатными отоплением и освещением. Улучшилось обеспечение учителей пенсиями, повысилась заработная плата работников народного образования, превысив средний уровень зарплат рабочих промышленности.

Правда, не всегда региональные власти были в состоянии реализовывать эти решения. Из-за нехватки финансовых ресурсов зачастую задерживалась выплата заработной платы, возникали проблемы с жильем, топливом, продуктами питания и промышленными товарами.

И тем не менее в 1930-е гг. положение учителя заметно изменилось в лучшую сторону. Все чаще стал подниматься вопрос об организации отдыха учителей. Так, Дагестанское отделение Союза Работпрос было озабочено организацией постройки в Буйнакске дома отдыха для просвещенцев на 60 мест. «Учитывая, что большинство районных учителей отказывается выезжать за пределы Дагестана на летний отдых, вопрос организации в 1932 г. этого дома необходимо решить с тем, чтобы мы могли обслужить этим домом национальностей учителей отдаленных горных районов» [Там же, д. 1830, л. 112 об.]. Новым в работе с учителями было и то, что их стали регулярно отправлять на производственные экскурсии. В 1931 г. на производственные экскурсии было отправлено 60 человек. Участники экскурсии обеспечивались проездом по железной дороге, им выдавались определенные суммы на культурное обслуживание. Правда, из-за ограниченности выделяемых средств учителя отдаленных горных районов не могли воспользоваться предоставленными им по разрезке местами.

Во второй половине 1930-х гг. учителя начали использовать свое право по линии профсоюзов и отдыхать по профсоюзным путевкам в санаториях, домах отдыха. Так, согласно ведомостям Союза неполных средних школ ДАССР, на 1 сентября 1937 г. в дома отдыха было выдано 339 путевок, в санатории местного значения – 47, краевого – 36, всесоюзного – 101 [Там же, д. 3868, л. 87]. Интересно, что, помимо работников народного образования, путевки получили студенты педагогических учебных заведений. Всего было выдано 523 путевки против 368 в 1936 г. [Там же, л. 88].

Повышение заработной платы, введение ряда материальных льгот в условиях усиления внимания властей к проблемам образования и улучшения финансирования школ не сняли всех проблем материального положения педагогов. Тем не менее положение учителей по сравнению с другими слоями населения стало отличаться относительным благополучием. Эти обстоятельства, к которым прибавились возросший уровень подготовки педагогических кадров и проведение активной пропаганды по поднятию социального статуса педагога, способствовали заметному росту авторитета учителя среди населения.

Список источников

1. **Агронович М. Л.** Индикаторы достижения целей устойчивого развития в сфере образования и национальная образовательная политика // Вопросы образования (Educational Studies Moscow). 2017. № 4. С. 242-264.
2. **Белова Н. А.** Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
3. **Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года** [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/shkolnaia_perepis_1927 (дата обращения: 01.06.2018).
4. **Головин С. А.** Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20-30-е гг. XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (66). Общественные и гуманитарные науки. С. 177-186.
5. **Клячко Т. Л., Токарева Г. С.** Заработная плата учителей: ожидания и достигнутые результаты // Вопросы образования (Educational Studies Moscow). 2017. № 4. С. 199-216.
6. **О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам:** Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). 9 апреля 1936 г. // Правда. 1936. 10 апреля.
7. **Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД).** Ф. 1-п. Оп. 1.
8. **ЦГА РД.** Ф. 117-р. Оп. 10.
9. **ЦГА РД.** Ф. 117-р. Оп. 11.
10. **ЦГА РД.** Ф. 117-р. Оп. 12.
11. **ЦГА РД.** Ф. 117-р. Оп. 13.
12. **ЦГА РД.** Ф. 168-р. Оп. 17.

LIVING CONDITIONS OF DAGESTAN TEACHERS IN THE 1930S

Kaimarazov Gani Shikhvalievich, Doctor in History, Professor
Kaimarazova Leila Ganievna, Ph. D. in History
*Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
kaymarazova@mail.ru*

The article considers the relevant and poorly investigated problem – teachers' living conditions in the multi-national region during the important period for the Soviet school-building. Applying to previously unpublished documentary sources the authors show the process of qualitative changes in Dagestan teachers' material situation and social status: wage increase, pension provision, supply of food, manufactured goods, fuel, providing decent accommodation, recreation opportunities, etc. The paper describes the difficulties that regional authorities came across when implementing the decisions of the country's leadership.

Key words and phrases: Dagestan; teachers; material support; wage; accommodation; food and manufactured goods; recreation opportunities for teachers.

УДК 94(571.51)«1942/44»:27-772

Дата поступления рукописи: 13.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.5>

Рассмотрена подвижническая деятельность архиепископа Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого) по возрождению Красноярской епархии в 1942-1944 гг. Отмечено состояние церковной жизни региона: отсутствие действующих храмов до января 1943 г., отношение власти к церкви и т.д. Представлено документальное обоснование времени открытия часовни в Николаевской слободе усилиями святителя Луки. Приведены размеры Никольской часовни (переоборудованной под церковь), что позволило понять обоснованность клириков и мирян отсутствием храма большей площади. Выделена проповедническая деятельность владыки Луки в Николаевской церкви, отражена её патриотическая направленность и практическое значение.

Ключевые слова и фразы: архиепископ Лука; Николаевская часовня-церковь; проповеди; Покровская церковь; Красноярск.

Кожевников Семён Валериевич, к.э.н.

*Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
setenk2011@yandex.ru*

**АРХИПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)
ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ КРАСНОЯРСКОЙ ЕПАРХИИ В 1942-1944 ГГ.**

Научный интерес к личности выдающегося хирурга, профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого не угасает до сих пор. Заинтересованность исследователей вызывает архиерейское служение Валентина Феликсовича, в 1923 г. принявшего монашеский постриг с именем евангелиста Луки и рукоположенного во епископа. О святителе Луке (Войно-Ясенецком) написано много книг и особенно статей [1; 6; 10], посвящённых исповедническому и пастырскому подвигу епископа-хирурга в нашей стране. Вместе с тем, на наш взгляд, не хватает исследования, в котором бы подробно отражалось служение владыки в Красноярской епархии в годы Великой Отечественной